

ет Страхов с разными критическими разборами романа. Отдавший так много сил и времени борьбе с нигилизмом, критик увидел в произведении Достоевского виртуозный и всесторонний анализ этого болезненного явления и коренное отличие Родиона Раскольникова от стандартных и клишированных образов нигилистов в романах и повестях других русских писателей: «Это не фразер без крови и нервов, это — настоящий человек».<sup>33</sup> Достоевский, как великолепно формулирует Страхов, «взял натуру более глубокую, приписал ей более глубокое уклонение от жизни, чем другие писатели, касавшиеся нигилизма. Цель его была — изобразить страдания, которые терпит живой человек, дойдя до такого разрыва с жизнью. Совершенно ясно, что автор изображает своего героя с полным состраданием к нему. Это не смех над молодым поколением, не укоры и обвинения, это — плач над ним». Страхов подчеркивает, что «в первый раз перед нами изображен нигилист несчастный, нигилист глубоко человечески страдающий».<sup>34</sup>

Страхов прямо связывает Раскольникова с героем романа Тургенева «Отцы и дети» (связь очевидная и хорошо чувствуемая Достоевским, достаточно вспомнить сказанное писателем о Базарове): «...это не есть тип нигилистический, но видоизменение того типа настоящего нигилиста, который всем более или менее знаком и который всех раньше и всех метче был угадан Тургеневым в его *Базарове*».<sup>35</sup>

О романе Тургенева Страхов писал пятью годами раньше в журнале «Время». Это один из самых содержательных критических отзывов об «Отцах и детях» и одна из самых удачных, вдохновенно написанных статей Страхова, во всяком случае, о вялости, холодности, скупости и сдержанности здесь не может быть и речи. В «Преступлении и наказании» Страхов находил «значительные недостатки, которые мешают художественной ясности образов, а следовательно, и препятствуют их ясному пониманию», «...автор... описывает нам всевозможные изменения одних и тех же чувств. Это сообщает монотонность всему роману, хотя не лишает его занимательности. Но роман томит и мучает читателя, вместо того, чтобы поражать его. Поразительные моменты, которые переживает Раскольников, теряются среди его постоянных мучений, то ослабевающих, то снова поражающих. Нельзя сказать, чтобы это было неверно; но можно заметить, что это неясно. Рассказ не сосредоточен около известных точек, которые бы вдруг озаряли для читателя всю глубину душевного состояния Раскольникова».<sup>36</sup> А вот в романе Тургенева Страхов, которому, похоже, гораздо симпатичней была такая реалистическая манера письма, никаких недостатков не обнаруживал. Ему радостно, что Тургенев-художник остался верен «своему художественному дару»: «...поклонник вечной истины, вечной красоты, он имел гордую цель во временном указать на вечное и написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, *всегдашний*».<sup>37</sup> Страхов к несомненному достижению Тургенева отнес образ Базарова, смысл которого глубоко истолковал (как и Достоевский, во многом это общая точка зрения, и трудно, даже невозможно определить, кто тут на кого повлиял): «Глубокий аскетизм проникает собою всю личность Базарова; это черта не случайная, а существенно необходимая»; «Базаров есть первое сильное лицо, первый цельный характер, явившийся в русской литературе из среды так называемого образованного общества»; «Базаров умирает совершенным героем, и его смерть произ-

<sup>33</sup> Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 100.

<sup>34</sup> Там же. С. 101.

<sup>35</sup> Там же. С. 110.

<sup>36</sup> Там же. С. 99, 117—118.

<sup>37</sup> Там же. С. 184, 205.